

В.А. Соболев

**Ф.М. БУРЛАЦКИЙ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВ
И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ**

Аннотация. В статье рассматривается деятельность и творчество Федора Михайловича Бурлацкого (1927–2014), посвященные становлению прав и свобод человека в России и в СССР. Обосновывается вывод, что Бурлацкий не просто внес значительный идейный вклад в становление прав и свобод человека в России, но и смог реализовать часть своих предложений на практике.

Ключевые слова: Ф.М. Бурлацкий, права и свободы человека в России, политическая история России.

Соболев Владимир Андреевич – аспирант
кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: sobvlad1992@yandex.ru

**V.A. Sobolev. F.M. Burlatsky and Establishment of the Human Rights
and Freedoms in Russia**

Abstract. The author addresses the political activities and scientific works of Fyodor Burlatsky (1927–2014) showing that Burlatsky not only made a significant ideological contribution to the establishment of human rights and freedoms in Russia, but also was able to implement part of his proposals in practice.

Keywords: Burlatsky, human rights and freedoms in Russia, political history of Russia.

Sobolev Vladimir Andreevich – postgraduate student
of the Department of History of Social and Political Studies,
Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University.
E-mail: sobvlad1992@yandex.ru

Вклад Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) в разработку проблемы прав и свобод человека в России проанализирован во многих исследованиях российских авторов [6, с. 24–29; 7, с. 101–123; 14, с. 191–206; 16, с. 25–42; 17, с. 124–128].

Однако многие положения его работ на эту тему требуют дополнительного изучения.

Исследование Ф.М. Бурлацким процесса становления прав и свобод человека в России

По мнению Бурлацкого, история становления прав и свобод человека в России уходит корнями в XVIII в., когда в «Наказе» Екатерины II впервые были охарактеризованы права и свободы человека [8, с. 9–17; 9, с. 279–299; 10, с. 175–194]: «Парадоксально, но факт, что впервые о неотчуждаемых человеческих правах – о свободе, о равенстве перед законом, о верховенстве закона – русские люди слышали не от кого-нибудь, а от царской власти. Я имею в виду “Наказ” Екатерины II, составленный ею самой и ее сотрудниками и приуроченный к Собору, который должен был собраться для выработки новых законов в европейском духе. “Наказ” изобилует ссылками на французских просветителей, английских, голландских мыслителей XVIII века. Здесь можно найти большие выдержки из произведений Ш. Монтескье, Дж. Локка, Беккариа и многих других представителей школы естественного права, идей равенства и свободы» [3, с. 219].

Далее Бурлацкий отмечает историческую роль преобразований Петра I и Александра II: «Двести лет прошло между двумя взрывами реформаторства – Петра I и Александра II. Но, несмотря на дистанцию, тогда решались сходные задачи: налаживание профессионального управления; установление честного правосудия; повышение эффективности хозяйства; просвещение народа. Это говорит о том, как медленно тащилась политическая телега России по ухабам и весям истории. Страна невероятно расширялась на Запад и, особенно, на Восток, а государство оставалось архаичным, феодальным. Но в отличие от Петра, Александр II уже проявлял интерес к правам человека и освобождению крестьян от крепостного рабства» [3, с. 223].

Бурлацкий подчеркивает, что во времена Петра I именно проблема развития прав и свобод человека не рассматривалась, но было проведено «некоторое уравнение сословий перед лицом абсолютной власти. Купечество и городское мещанство получили доступ к образованию и должностям в аппарате управления. Личные качества обретали не меньшее значение, чем принадлежность к знатым родам. Восточный ритуал двора уступил место западным канонам. В среду аристократии стали проникать либеральные западные идеи. Дочь Петра I Елизавета Петровна не случайно отказалась от применения смертной казни. Это был акт, навеянный просветительскими начинаниями Петра Великого» [3, с. 228]. А уже в XIX в. именно реформы Александра II заложили основу для становления прав и свобод человека в России: «освобождение крестьян – земельная реформа; создание местного самоуправления –

земская (от слова “земля”) реформа; реформа печати и образования; учреждение суда присяжных – судебная реформа... Отмена крепостного права явилась первым примером глубокой, социальной реформы “сверху”. В сущности, это был *первый исторический шаг к становлению личных прав человека* (здесь и далее выделено мной. – В. С.)» [3, с. 228–229].

Бурлацкий отмечает, что проблемы прав и свобод человека: «появились в русской лексике... только в конце XIX и начале XX века. Впервые проблемы правового государства, естественного права рассматриваются в трудах Б.А. Кистяковского, Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого [18, с. 39–55; 19, с. 166–186; 20, с. 58–119]» [3, с. 235]. В начале XX в. после обнародования Манифеста 17 октября 1905 г., когда в России была избрана первая Государственная дума, «либеральные идеи отстаивала, пожалуй, только одна партия – конституционных демократов, но она не имела значительного влияния ни в Думе, ни в обществе, а тем более в среде необразованного и, как правило, неграмотного крестьянства, а также рабочего класса. Поэтому общественное сознание было совершенно не подготовлено к восприятию прав человека как основы демократического устройства государства. Самая прогрессивная мысль в период революций 1917 года фактически останавливалась перед дверью Учредительного собрания, которое должно было выработать конституцию и заложить основы демократического республиканского строя» [3, с. 236].

По мнению Бурлацкого, самым выдающимся реформатором дореволюционной России был П.А. Столыпин (1862–1911). Занимая сначала пост губернатора, затем председателя Совета министров и министра внутренних дел в начале XX в., Столыпин начал осуществление реформ, которые, «по его словам, ставили целью превращение России в правовое государство. Основой переустройства самодержавия в конституционную монархию Столыпин считал коренное изменение положения крестьянства. Главная его мысль состояла в создании условий для выхода крестьянина из общины и обретения частной собственности на землю, что должно было стать основой его свободы, а затем и конституционного строя в целом. Он провел ряд установлений, которые подготавливали почву для коренной реформы положения крестьянства. В их числе был Указ от 5 октября 1906 года о равноправии крестьян, от 9 ноября о выходе из общины, от 12 августа, 27 августа, 19 сентября, 21 октября о передаче земель крестьянам и т.д. По инициативе Столыпина в Государственную думу правительство внесло более 200 законопроектов, направленных на формирование правового порядка, укрепление частной собственности, местного самоуправления и защиты прав человека» [там же].

События 1917 г. и последующих годов [4, с. 78–89; 5, с. 182–185; 11, с. 35–55; 12, с. 7–47; 13, с. 94–103] затормозили процесс становления прав и свобод человека в России: «Октябрьская революция, приход к власти партии

большевиков, разгон Учредительного собрания надолго отложили саму возможность пропаганды и осуществления идей прав человека в России, в их общепринятом истолковании» [3, с. 237].

Возвращение к идеям прав человека произошло в Советском Союзе только в 1930-е годы. И следующим значимым событием на пути становления прав и свобод человека Бурлацкий называет принятие Конституции СССР 1936 г. Данная конституция закрепляла целый ряд правовых норм, «направленных внешним образом на защиту права на физическую неприкосновенность, социальных прав, а также политических прав и свобод, которые даровались, однако, на условиях “укрепления коммунистического строя”» [там же]. Бурлацкий подчеркивает, что «включение в так называемую сталинскую конституцию большого блока, повторяю, внешне направленного на охрану человеческих прав, произошло под влиянием Запада и заинтересованности Сталина в нормализации отношений с демократическими государствами» [там же].

В тот период начали складываться основные отличительные черты «советской доктрины прав человека, которую представители СССР стремились проводить при заключении и принятии основных документов по этим проблемам на международной арене. Первая ее особенность заключалась в том, что *полностью отрицалась идея естественных и неотчуждаемых прав личности*. Эти права рассматривались, как нечто даруемое государством, при этом каждое государство могло устанавливать те нормы, которые отвечали его идеологии и интересам. Второе: *претензия на “превосходство” социалистических представлений о правах человека*, якобы дающих реальные гарантии их осуществления в силу характера самой системы, где нет деления на господствующие и подчиненные классы. С этих позиций подвергались критике так называемые буржуазные представления, взгляды, нормы, политическая культура, которые носят будто бы формальный характер и не обеспечиваются ни материальными условиями, ни государством.

Третье: *утверждение о приоритете социальных прав над политическими и личными правами*. Четвертое: *трактовка прав человека* не из универсального принципа гуманизма, не из человеческой природы, не из системы отношений между странами и государствами, а *как суверенного внутригосударственного права, исключаящего какое-либо международное вмешательство*. Пятое: *отрицание частной собственности* как важнейшего права, дающего реальные гарантии независимости личности от государства и свободы инициативы и предпринимательской деятельности, как важнейшего принципа, который обеспечивает развитие личности» [3, с. 237–238].

Следующим этапом в процессе становления прав и свобод человека в России Бурлацкий называет период управления СССР Н.С. Хрущёвым: «Первый прорыв к правам человека от сталинского режима был осуществлен

по инициативе Никиты Хрущёва, хотя он сам являлся органическим продуктом тоталитарной системы... Священное право человека на жизнь – вот главное, что гарантировали реформы Никиты Хрущёва» [3, с. 239]. Бурлацкий отмечает, что секретный доклад Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС о И.В. Сталине, осудивший массовые репрессии, был «крупным шагом для утверждения права на жизнь и физическую неприкосновенность советского человека. За этим последовала реабилитация и освобождение из ГУЛАГа сотен тысяч людей. В программе КПСС 1961 года были закреплены некоторые принципы, направленные на преодоление сталинской системы власти» [3, с. 240].

Активное участие в работе над этой программой принимал сам Бурлацкий. Он внес в программу положение о *«переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству и советской демократии и о гарантиях против рецидива культа личности»*. Эти идеи встретили решительное сопротивление догматиков в Президиуме ЦК. О. Куусинен убедил Хрущёва в необходимости отмены стереотипа диктатуры пролетариата, что служило идеологическим обоснованием практики массовых репрессий. Затем мне было поручено возглавить рабочую группу по подготовке новой Конституции СССР. Мы проделали большую работу со специалистами и подготовили предложения по демократизации страны, учреждению президентской республики с постоянно работающим советским парламентом и либерализации внутри КПСС. Одним из боковых следствий явилось учреждение в регионах двух параллельных партийных организаций – промышленной и сельскохозяйственной. Эта идея принадлежала лично Хрущёву и означала робкий шаг к двухпартийной системе. Отстранение Хрущёва в октябре 1964 года положило конец этому этапу реформ» [3, с. 240–241].

Бурлацкий считает, что на тот момент им удалось провозгласить и частично осуществить принцип: *«Не подлежат уголовному наказанию люди, высказывающие свое несогласие с властью»*. Хрущёв даже похвалялся: у нас нет ни одного человека, осужденного за политические преступления. Это оказалось полуправдой, но само провозглашение принципа было чрезвычайно благотворно. Второе: *закончилась практика уголовных наказаний без суда*. И третье: *целый слой населения – крестьянство – получил права на передвижение по стране и переселение в город или другие регионы*. Началось законодательство, которое порывало со сталинской традицией и создавало базу для становления законности. Эта деятельность, однако, осталась незавершенной, поскольку Хрущёв был отстранен от власти» [3, с. 241].

Отдельно Бурлацким охарактеризовано влияние Запада на процесс становления прав и свобод человека в Советском Союзе: «В начале 1970-х годов начался процесс улучшения отношений между СССР и США и странами Западной Европы, который привел к существенным договоренностям и сдвигам

в области прав человека в Советском Союзе. У истоков этого процесса были соглашения, достигнутые на встречах на высшем уровне во Франции (1970, 1971 гг.), ФРГ (1971 г.) и США (1972 г.). Во время этих переговоров было согласовано решение о созыве Общеввропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)» [3, с. 241]. Третий этап этого совещания проходил с 30 июня по 1 августа 1975 г. в Хельсинки: «На нем был принят Заключительный акт, который сыграл большую роль в укреплении мира на континенте и развитии сотрудничества, в том числе в гуманитарной сфере. В совещании принимали участие 33 страны Европы, а также США и Канада» [там же].

Бурлацкий рисует следующую картину тех событий: «СССР и Запад стремились к несовпадающим целям: первый стремился закрепить границы в Европе, начать ограничение гонки вооружений; второй, кроме безопасности, был озабочен вопросом о либерализации в СССР и решением проблем прав человека, свободного передвижения товаров, людей и идей между Востоком и Западом. После успешного завершения Совещания в Хельсинки процесс был продолжен на белградской встрече (1977–1978 гг.), мадридской встрече (1980–1983 гг.)... Заключительный акт Хельсинки сыграл важную роль в ходе разрушения сталинского наследия, тоталитарного режима. Правда, происходило это больше всего в сфере идеологии, куда все шире стали проникать западные ценности относительно чести, достоинства и свободы личности» [3, с. 241–242].

Период управления СССР М.С. Горбачёвым, по мнению Бурлацкого, – следующий этап в процессе становления прав и свобод человека в России: «Приход к власти Михаила Горбачёва в апреле 1985 года ознаменовал начало крутого перелома в развитии страны, в демократизации и становлении прав человека. Его деятельность отразила тенденции, объективно созревшие внутри СССР, и в то же время личные устремления Горбачёва... Первый исторический шаг – создание советского полупарламента... Это был поворот России к современной цивилизации. Тогда началось становление политики гласности, политических прав и свобод» [3, с. 243]. Бурлацкий подчеркивает, что большое значение имела «женевская встреча Горбачёва с Р. Рейганом (я [Бурлацкий] сопровождал делегации), точнее, серия встреч с западными лидерами, в особенности в Вашингтоне и Москве. Верный своей тактике, Горбачёв не делал внешне радикальных шагов и крутых поворотов. Но он последовательно шел к формированию совершенно нового типа отношений с Западом. Горбачёв все больше проникался пониманием значения прав человека для СССР» [3, с. 244].

В целом становление прав и свобод человека в Советском Союзе, по мнению Бурлацкого, можно представить как составную часть разрушения «тоталитарной системы, ее сталинской модели и утверждения демократии,

права частной собственности и рынка. В отличие, например, от Германии, где тоталитарный режим был взорван вместе с нацистской элитой в результате поражения в войне, в СССР, а позднее в России этот процесс осуществляется сверху, представителями самой коммунистической номенклатуры и растянулся на многие десятилетия. Тоталитаризм как бы отрубался по частям, как хвост ящерицы. Этим определяется мучительный, долгий и прерывистый характер демократизации, извращение ее сущности во многих отношениях, декларативность заявленных принципов и негарантированность провозглашенных прав гражданина. Прежняя номенклатура, ее более молодая часть, осознав неизбежность все большего отставания от Запада в технологии, военном деле, экономике, вступила на зыбкую дорогу демократизации, но при этом добивалась сохранения своей власти в новых формах. Общественное движение в защиту человека едва зародилось и не могло оказать решающего влияния на этот процесс» [3, с. 215].

Бурлацкий резюмирует: «Главным фактором становления прав человека в СССР, а затем и России были внутренние изменения в стране, прежде всего разложение коммунистической идеологии и довольно бурное развитие либеральных тенденций в рамках самой политической элиты. С некоторой долей преувеличения можно было бы сказать, что духовную революцию в интересах личной свободы произвели советники в рамках МИДа, ЦК КПСС, науки и искусства. Движение диссидентов и отказников опосредовано влияло на этот процесс именно через советников» [2, с. 235]. Далее Бурлацкий отмечает, что «решающее значение имел приход к руководству страной М. Горбачёва, который отчасти был подготовлен к восприятию демократических идей своей биографией и контактами, а в значительной мере эволюционировал к пониманию ценности человека... То же самое можно сказать о Б. Ельцине в ранний период его руководства страной» [там же].

В то же время Бурлацкий подчеркивает значение западного фактора: «России и ее деятелям негде было взять пример, юридическую и правовую культуру кроме как на Западе и в международном праве, которое также формулировалось под влиянием западных идей. Этот фактор сыграл решающую роль в просвещении и советников, и вождей...» [2, с. 235]. Бурлацкий добавляет, что международный фактор сыграл «огромную роль в эпоху реформации в России. Наступила внутренняя эрозия коммунизма, его идеологии. Коммунистическая номенклатура, вернее, ее продвинутая культурно часть, стала задумываться над преимуществами западной экономики и системы ценностей. Началась революция сверху, выплеснувшая таких новых деятелей, как Горбачёв и Ельцин» [2, с. 236].

Бурлацкий считает, что схожими причинами объясняются и «все ошибки, и извращения демократических реформ. Старая партийная и молодая комсомольская номенклатура повернула их в сторону личного обогащения, сохранив

в значительной степени бесправие народа и попутно раздавив демократическую интеллигенцию. Провал молодых радикальных демократов, которые привели экономику к тяжелейшему кризису летом 1998 года, создал предпосылки для движения политического маятника в другую сторону. Центристское правительство Е. Примакова попыталось укрепить политическую стабильность и сохранить завоевания прав человека. Однако преодолеть глубокий экономический кризис не смогло» [2, с. 236–237].

Практическая реализация идей и предложений Ф.М. Бурлацкого

Уникальность личного опыта Бурлацкого состоит в том, что ему удалось реализовать часть своих идей и предложений на практике. В 1987 г. под руководством Бурлацкого была создана Комиссия по гуманитарному сотрудничеству и правам человека при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество. В состав Комиссии вошли ученые, деятели культуры и представители религиозных конфессий, впоследствии внесшие значительный вклад в развитие доктрины обеспечения прав и свобод человека и формирование правозащитных институтов.

Комиссия занималась разрешением различного рода вопросов, касающихся защиты прав и свобод человека, проводила разного формата конференции, встречи, семинары. Поэтому ее можно считать предтечей различных правозащитных организаций России [2, с. 89]. Далее на основе этой комиссии была создана международная правозащитная организация – «Дебургское движение по правам человека», позже оно получило название «Восточно-Западная конференция по правам человека». Сопредседателями конференции были: от СССР – Бурлацкий и от США – Р. Картер. Наибольшую известность Дебургскому движению принесло отстаивание прав и требование освобождения осужденных за так называемые религиозные преступления.

В этот период Бурлацким была подготовлена аналитическая записка в адрес члена Политбюро ЦК КПСС, Секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева, в которой обосновывалась необходимость поднятия статуса Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека, приравняв ее к имеющимся общественным Комитетам (мира, за европейскую безопасность и др.); возложить на Комиссию осуществление ряда мероприятий вместе с представителями партийных и правоохранительных органов; возложить на Комиссию осуществление целенаправленных мероприятий на международной арене, имеющих целью перехватить инициативу и перейти в наступление в этой области и др. [1, л. 8–9].

В 1989 г. Бурлацкий был избран народным депутатом и стал членом Комитета Верховного Совета СССР по международным делам. В рамках коми-

тета, по его инициативе, был создан подкомитет по гуманитарному, научному и культурному сотрудничеству, руководство которым было поручено самому Бурлацкому. Результатом деятельности Бурлацкого в направлении обеспечения гарантий прав и свобод человека стали подготовленные под его руководством и вступившие в силу законы: о свободе передвижения, о свободе средств массовой информации и о свободе совести и религиозных организациях, а также «Декларация прав и свобод человека» [15]. 22 ноября 1991 г. Верховный Совет РСФСР утвердил Декларацию прав и свобод человека и гражданина. Многие положения данной декларации были внесены в проект Конституции РФ 1993 г.

Таким образом, Бурлацкий вел активную деятельность, направленную на становление прав и свобод человека: способствовал созданию Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество. Работая депутатом Верховного Совета СССР, Бурлацкий участвовал в подготовке и принятии законов, гарантирующих права и свободы человека в Советском Союзе.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что Бурлацкий не только исследовал процесс становления прав и свобод человека в России, но и внес идейный вклад в него, а также смог реализовать часть своих предложений на практике.

Библиография

1. Бурлацкий Ф.М. Записка члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву // ОРКиР НБ МГУ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–9.
2. Бурлацкий Ф.М. Проблемы прав человека в СССР и России. (1970–80-е и начало 90-х годов). М.: Научная книга, 1999. 279 с.
3. Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. М.: Собрание, 2008. 319 с.
4. Гуроров В.А. О некоторых тенденциях современной теоретической интерпретации революционного насилия // Философия политики и права. 2017. № 8. С. 78–89.
5. Ильин М.В. Язык революции – язык улицы // Полис: Политические исследования. 2010. № 6. С. 182–185.
6. Карташкин В.А. Опыт разработки и принятия пактов о правах человека и современные международные отношения // Образование и право. 2016. № 11. С. 24–29.
7. Кудрявцев М.А. Институт парламентского уполномоченного по правам человека в России: Проблемы становления и развития // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 3. С. 101–123.
8. Перевезенцев С.В. Основные направления русской социально-политической мысли XVIII в. // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. Астрахань, 2016. № 3. С. 9–17.
9. Перевезенцев С.В. Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М.: Издательство «ФИВ», 2015. 456 с.
10. Перевезенцев С.В. Русский выбор: Очерки национального самосознания. М.: Русский мир, 2007. 416 с.

11. Пивоваров Ю.С. Истоки и смысл русской революции // Полис: Политические исследования. 2007. № 5. С. 35–55.
12. Пивоваров Ю.С. Русская литература – русская революция // Литературоведческий журнал. 2017. № 41. С. 7–47.
13. Пляйс Я.А. Два подхода к российским революциям 1917 года: Какой из них верен? Концептуальные размышления о судьбах российских революций 1917 года // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2017. № 9 (332). С. 94–103.
14. Понизова Е.В. Институт правового статуса личности в период перестройки // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 6 (58). С. 191–206.
15. Соболев В.А. Ф.М. Бурлацкий и перестройка в СССР // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2018. № 2. URL: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/875> (Дата обращения: 17.04.2018.)
16. Соболев В.А., Ширинянец А.А. Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № 5. С. 25–42.
17. Шестопал Е.Б., Шутов А.Ю. Памяти Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 3. С. 124–128.
18. Ширинянец А.А. Интеллигенция в политической истории XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 4. С. 39–55.
19. Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. 563 с.
20. Ширинянец А.А., Ширинянец С.А. Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. М.: Изд-во Московского университета, 1997. 160 с.

References

- Burlackij F.M. Problemy prav cheloveka v SSSR i Rossii. (1970–80-e i nachalo 90-h godov). Moscow: Nauchnaja kniga, 1999. 279 p.
- Burlackij F.M. Reformy i reformatory: Nadezhdy i illjuzii. Moscow: Sobranie, 2008. 319 p.
- Burlackij F.M. Zapiska chлену Politbjuro CK KPSS, Sekretarju CK KPSS A.N. Jakovlevu // ORKIR NB MGU. F. 61. Op. 1. D. 3. L. 1–9.
- Gutorov V.A. O nekotoryh tendencijah sovremennoj teoreticheskoj interpretacii revoljucionnogo nasilija // Filosofija politiki i prava. 2017. N 8. P. 78–89.
- Il'in M.V. Jazyk revoljucii – jazyk ulicy // Polis: Politicheskie issledovanija. 2010. N 6. P. 182–185.
- Kartashkin V.A. Opyt razrabotki i prinjatija paktov o pravah cheloveka i sovremennye mezhduнародnye otnoshenija // Obrazovanie i pravo. 2016. N 11. P. 24–29.
- Kudrjavcev M.A. Institut parlamentskogo upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossii: Problemy stanovlenija i razvitija // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2017. Vol. 12. N 3. P. 101–123.
- Perevezencev S.V. Osnovnye napravlenija ruskoj social'no-politicheskoj mysli XVIII v. // Kaspijskij region: Politika, jekonomika, kul'tura. Astrahan', 2016. N 3. P. 9–17.
- Perevezencev S.V. Rodstvo po istorii: Stat'i. Oчерki. Besedy. Moscow: Izda-tel'stvo «FIV», 2015. 456 p.
- Perevezencev S.V. Russkij vybor: Oчерki nacional'nogo samosoznaniija. Moscow: Russkij mir, 2007. 416 p.
- Pivovarov Ju.S. Istoki i smysl ruskoj revoljucii // Polis: Politicheskie issledovanija. 2007. N 5. P. 35–55.

Pivovarov Ju.S. Russkaja literatura – russkaja revoljucija // Literaturovedcheskij zhurnal. 2017. N 41. P. 7–47.

Pljajs Ja.A. Dva podhoda k rossijskim revoljucijam 1917 goda: Kakoj iz nih veren? Konceptual'nye razmyshlenija o sud'bah rossijskih revoljucij 1917 goda // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' – Observer. 2017. N 9 (332). P. 94–103.

Ponizova E.V. Institut pravovogo statusa lichnosti v period perestrojki // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2016. N 6 (58). P. 191–206.

Shestopal E.B., Shutov A.Ju. Pamjati F.M. Burlackogo (1927–2014) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki. 2014. N 3. P. 124–128.

Shirinjanc A.A. Intelligencija v politicheskoj istorii XIX veka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki. 2012. N 4. P. 39–55.

Shirinjanc A.A. Nigilizm ili konservatizm? (Russkaja intelligencija v istorii politiki i mysli). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. 563 p.

Shirinjanc A.A., Shirinjanc S.A. Rossijskaja intelligencija na rubezhe vekov: zametki o politicheskoj kul'ture. Moscow: Izd-vo Moskovskogo univer-siteta, 1997. 160 p.

Sobolev V.A. F.M. Burlackij i perestrojka v SSSR // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Jelektronnyj zhurnal). 2018. N 2. URL: <http://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/875> (Data obrashhenija: 17.04.2018.)

Sobolev V.A., Shirinjanc A.A. F.M. Burlackij i stanovlenie politicheskoj nauki v USSR // Politicheskaja nauka. 2016. N 5. P. 25–42.